

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 153—162.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 3. P. 153—162.

Научная статья

УДК 165.12

DOI: 10.46726/И.2023.3.15

ПРЕДПОНИМАНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ

Елена Николаевна Шульга

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Аннотация. Сознание — это высшая интеллектуальная способность человека, которая проявляется в способности осознанно действовать в мире, находить ценностные ориентиры своего бытия и творчески преобразовывать собственное существование. Сознание — это и философское понятие, соотнесенное с процессом познания, результатом которого является обладание знанием. Современная наука описывает сознание, отталкиваясь от факторов мыслительной деятельности человека: его чувств, интенций, творческих идей, мыслей. Тем самым сознание предстает как феномен, в котором отражается все многообразие духовного мира человека. Аксиологический смысл сознания выражается посредством таких понятий, как «субъективная реальность», как проявление форм «идеального», в многообразии которого находит отражение ценностное отношение человека к миру, проявляется его воля и целеустремленность. Этот аспект рассмотрения приближает проблематику сознания к вопросам социологии, где сознание — общественное сознание — предстает как естественная устремленность человека к существованию в обществе, в социальной среде, в исторически сложившейся культуре. Для современной философии характерно разнообразие концепций сознания, развиваемых в рамках существующих и неконкурирующих друг с другом философских течений: философия жизни, экзистенциализм, феноменология, герменевтика, философия языка и т. д. Предпонимание как феномен сознания ассоциируется с тем, что предшествует ясности нашего понимания (языка, речи, жеста, образа, текста). Предпонимание сопровождает познавательную деятельность и является важной составляющей процесса интерпретации. Тем самым проблематика предпонимания может рассматриваться в герменевтическом, феноменологическом и социологическом контекстах. Именно этим аспектам проблемы посвящена данная статья.

Ключевые слова: сознание, познание, предпонимание, феноменология, герменевтика, социология

Для цитирования: Шульга Е.Н. Предпонимание как феномен сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 153—162.

Original article

PRE-UNDERSTANDING AS A PHENOMENON OF CONSCIOUSNESS

Elena N. Shulga

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

Annotation. Consciousness is the highest intellectual ability of a person, which is manifested in the ability to consciously act in the world, find the value orientations of their being and creatively transform their own existence. Consciousness is also a philosophical concept, correlated with the process of knowledge, the result of which is the possession of knowledge. Modern science describes consciousness, building on the factors of human mental activity: feelings, intentions, creative ideas, and thoughts. Thus, consciousness appears as a phenomenon that mirror the variety of the spiritual world of man. The axiological meaning of consciousness is expressed through such concepts as “subjective reality”, as a manifestation of the forms of the “ideal”, in the diversity of which the value attitude of a person to the world is reflected, their will and purposefulness are manifested. This aspect of consideration brings the problems of consciousness closer to the issues of sociology, where consciousness - social consciousness appears as a natural aspiration of a person to exist in society, in a social environment, in a historically formed culture. Modern philosophy is characterized by a variety of concepts of consciousness developed within the framework of existing and non-competing philosophical trends: philosophy of life, existentialism, phenomenology, hermeneutics, philosophy of language, etc. Pre-understanding as a phenomenon of consciousness is associated with what precedes the clarity of our understanding (language, speech, gesture, image, text). Pre-understanding accompanies cognitive activity and is an important component of the interpretation process. Thus, the problems of pre-understanding can be considered in hermeneutic, phenomenological and sociological contexts. It is these aspects of the problem that this article is devoted to.

Key words: consciousness, cognition, knowledge, pre-understanding, phenomenology, hermeneutics, sociology

For citation: Shulga E.N. Pre-understanding as a phenomenon of consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 153—162.

Введение

Глубокое и всестороннее рассмотрение проблематики сознания предполагает выход на фундаментальные вопросы, касающиеся понимания сущности человеческого сознания как феномена: от его происхождения и первых опытов концептуальных построений, представленных в истории философской мысли, до различных форм проявления сознательной, разумной деятельности человека. Сложность и многоаспектность проблематики сознания, ее принципиально концептуальный характер и философские перспективы — все это направляет исследователей к тому, чтобы прояснить совокупность тех возникающих и актуальных сегодня проблем, которые ставят перед философией задачу познания сознания на его сущностном уровне. И здесь нельзя обойти вниманием тот факт, что познание предметов мира на их сущностном уровне или, другими словами, познание сущности вещей — это первостепенная задача философии, сформулированная еще в эпоху Античности.

В греческом миропонимании познать сущность вещей мира — это значит проникнуть внутрь этих вещей, раскрыть их структуру, организацию и понять

механизм функционирования. Познание сущности вещей предполагало также формулирование обоснованного и аргументированного представления о самих этих вещах. Представления о них необходимо было выразить на языке таких понятий, которые просты для понимания людей и при этом максимально отражают природу тех вещей, на которые направлено познание. Тем самым постепенно закладывалась методологическая основа познавательной, философской и научной деятельности, создавался специальный понятийный язык. Причем сущность самой познавательной деятельности раскрывалась (и сообщалась) либо благодаря введению в философский лексикон новых понятий, либо посредством придания нового смысла традиционным понятиям философского языка.

Важно обратить внимание и на тот факт, что древнегреческие философы в своих объяснениях стремились к максимальной простоте, минимизируя используемый понятийный язык и применяя одни и те же слова и термины по отношению к различным явлениям и множественности элементов, имеющих отношение к целостному восприятию этих явлений. Так, понятия: мир (*kosmos*), природа (*physis*), принцип, или начало (*arkhe*), разум (*logos*), введенные в философский лексикон досократиками, передавали такие внутренние свойства вещей и предметов, которые можно было систематизировать, исходя из одних и тех же начал.

Например, понятие «космос», или в более широком смысле, «мир», имеет отношение к представлению греков об упорядоченности (чего-либо), что систематически наблюдаемо, но при этом неизменно в проявлении своей сущности: космос с его звездным миром и красив и непостижим. Такая смысловая двойственность понятия «космос» включает в себя два аспекта: эстетический и рациональный. Если первый, эстетический смысл связан с непосредственным восприятием звездного неба, великолепие которого зримо и наблюдаемо, то второй аспект, рациональный, предполагает участие познающего разума, усматривающего (предугадывающего) в упорядоченном звездном небе изменения и закономерности, порой необъяснимые по своей внутренней природе. Отсюда следует и новый, дополнительный смысл понятия «мир», который имеет отношение не только к космосу как упорядоченной структуре, с вероятностью воспринимаемой греками именно таковой, но и ко всему, что существует.

Приведенный пример использования одних и тех же схожих по объему понятий в отношении разъяснения сути вещей, свидетельствует не о скудности философского понятийного языка, который только складывался, но, скорее всего, о стремлении первых философов соединить, казалось бы, несоединимое — найти нечто системно общее, сущностно единое в многообразии наблюдаемого мира вещей, явлений, событий. Такая задача осознается философами как исходящая непосредственно от человека с его пытливым интересом к миру, природе, к самому себе, наряду со стремлением обнаружить то, что составляет во всем этом гармоничное целое — легко понятное целое. Но как достичь понимания? Посредством знания — отвечают философы. Связано ли понимание сущности вещей с каким-то конкретным знанием? Да, поскольку разным типам знания соответствуют различные типы вещей.

Концептуальный смысл понятийного языка античных философов

Опираясь на историко-философский материал, мы постараемся некоторым образом прояснить эволюцию взглядов мыслителей прошлого на процесс познания и показать какие абстрактные понятия общефилософского смысла использовали греческие философы, разъясняя сам факт получения знания через

осуществление познания и приближаясь тем самым к пониманию сути человеческого сознания, его феноменов.

Одно из центральных философских понятий, используемое по отношению всей выстраиваемой иерархии бытия, жизни и мысли — это душа. У ионийцев душа соотносится с одним из элементов Природы — воздухом или огнем. Гераклит говорит о душе, придавая ей конкретные жизненные свойства, рассуждая о наилучшей и мудрейшей душе. Но когда он рассуждает о закономерностях мира, то понимает под этим не просто какие-то естественные факты — этот вселенский закон Гераклит впервые называет *Логосом*, термином с очень широким смыслом. «Логос у Гераклита это — начало, определяющее все процессы быстротечного мира, рациональная его сущность, сходная с тем, что человек сознает в себе как разум. Эту родственность мышления и “скрытой гармонии” космоса философ подчёркивает, называя и то другое “Логосом”. “Идя к пределам души, их не найдешь, даже если пройдешь весь путь: таким глубоким она обладает Логосом”; “душе присущ самообогащающийся Логос”. И по аналогии с человеческим разумом Логос мира проявляет себя как “замысел, устроивший все”» [Мень: 112]. Однако утверждая, что источником Логоса является вселенский огонь, Гераклит остается в границах натурфилософии.

Софисты рассматривали душу как связанную исключительно с ощущениями. Вслед за ними Демокрит соотносит ощущения с душой и умом, описывая душу как состоящую из гладких и круглых атомов. Интересно обратить внимание на тот факт, что именно софисты отдают приоритет образованию в деле формирования правильного состояния души. Они утверждают принцип воспитания людей посредством осознания ими того, что является добродетелью, придавая тем самым процессу обучения философский смысл и этическую направленность, воспитывая ум и душу.

Для Платона душа человека — этоместилище знания и, одновременно, принцип жизни. В первом случае приобретение и освоение полученного знания, открытие в самом себе знания чего бы то ни было предполагает некоторые умственные усилия, связанные с припоминанием (того, что душа когда-то знала, но забыла). Столкнувшись эту мысль Платона, исследователь античной философии Т.В. Васильева пишет: «Душа имеет не только внутреннюю речь, логос, позволяющий ей подвергать разбору все внутреннее содержание, она имеет еще и внутреннее пространство воображения, которое как раз и поставляет логосу объекты разбора» [Васильева: 312]. В пространстве воображения, согласно Платону, встречаются две природы человеческой души — земная и небесная, куда поступают образы идей и образы предметов, их образующие. В этом едином пространстве воображения происходит сложный процесс преобразования: чувственно воспринимаемый образ предмета переходит в образ идеальный. Именно идеальный образ Платон относит к особому типу знания, эпистемическому знанию, полученному в результате познания.

Однако процесс познания на этом не останавливается. «Логос переводит это знание в определение, в ту словесную форму, которая может быть передана от одной души к другой» [Васильева: 313]. Но логос не является частью души. Логос — это речь, часто беззвучная внутренняя речь, которую человек ведет с самим собой. Например, задавая себе вопросы и находя на них ответы. Именно в диалоге с самим собой проявляется сущность той истинной диалектики, которой придерживались греческие философы, соединяя многое в единое и это единое разъединяя на множество составных частей. Такая работа ума — это еще и работа со словом, с логосом. Решить задачу

правильного словоупотребления, согласно Платону, способствует диалектика, поскольку правильность словесного выражения всецело зависит от того, в какой мере используемые слова передают сущность обозначаемой вещи. И это происходит не случайно, поскольку истинность наших представлений о предмете обусловлена реальностью самих этих предметов. Вместе с тем, человек способен познать вещи на их сущностном уровне благодаря тому, что мышление усматривает неизменные образцы вещей и общую им сущность, выраженную в понятии, в слове. Иначе говоря, понятие раскрывает сущность вещи уже только в силу того, что человеческое мышление способно усмотреть неизменные образы вещей, выразив общее в едином понятии.

Логос у Аристотеля — это разум, тогда как душа определяется им как «энтелехия», форма, конечная реализация тела. Причем душа и тело не две различных вещи, а два аспекта психофизического единства. Этот взгляд философа находит отражение в представлении о жизни во всех ее функциональных проявлениях. Так, потенциально живыми являются «органические» тела растений, поскольку растения обладают функциональными органами, как и тела животных и человека. Простейшая функция души — питание и размножение, что можно наблюдать уже у растений. Душа животных обладает, кроме того, функцией движения и чувственного восприятия. Наконец, функциональная организация человеческой души раскрывается в его разуме и посредством разума.

Другой важный и философски значимый термин, указывающий на представление о том, что такое разум, ум, дух, мысль — это «нус» (*noys*). С ним связано начало сознания и самосознания. В то же время, нус — это и принцип интуитивного знания, которое имело свою предысторию. И если Анаксагор объяснял истоки возникновения мира понятием «нус», то Аристотель придавал ему новый смысл. У него нус — это «эйдос эйдосов», перво-двигатель и причина всего существующего, вершина универсума. «Наиболее значимыми для истории философии моментами античного учения об умнусе следует считать его разработку у Аристотеля и Плотина: представление о тождестве в актуальном уме субъекта и объекта, об интеллектуальном (умном) созерцании и т. п.» [Шичалин: 522—523].

От понятия «понимание» к концепции предпонимания

Приведенный краткий исторический экскурс в понятийный язык философии показывает, что эти понятия имеют общее предназначение — они проясняют смысл высказываемых положений, облегчают понимание отдельных концепций и, встраиваясь в целую систему философского знания, делают это знание понятным. Однако нельзя не заметить, что в потоке смыслового изменения понятийного языка философии закономерным образом возникает новая проблема — проблема понимания. В случае оценки исторического значения сформулированных греческими мыслителями концептуальных положений, понимание их не сводится только лишь к простому суммированию высказанных философских идей, но к их интерпретации, ориентированной, в числе прочих задач, на разработку методологической проблематики.

Акцент на методологических проблемах интерпретации обусловлен чрезвычайной актуальностью проблемы понимания, которая оказывается вовлеченной в более широкий комплекс проблем сознания. Но, прежде чем рассматривать процессы, происходящие на уровне сознания как специфической деятельности, обратимся непосредственно к тому, что такое понимание. Сразу же поясню: вопрос о природе понимания, о сущности понимания является

одним из наиболее сложных. Тем не менее, укажу на некоторые случаи, в которых понятие «понимание» употребляется в языке. Так,

1) понимание означает умение следовать избранной цели, например, правильно выбрать дорогу;

2) понимание связано со способностью предвидеть и прогнозировать, реализовывать на практике свое намерение;

3) понимание означает способность находить словесный эквивалент конкретной мысли, высказанной другим человеком, а также умение подтверждать верность слов, им сказанных, удостоверяя тем самым, что один из собеседников понял другого;

4) понимание означает способность согласовывать действия с другими людьми, действовать сообща согласно «общей программе», соответствующей конкретной ситуации;

5) понимание имеет отношение к способности формулировать и решать проблему через последовательность интеллектуальных действий, приводящих к ее решению;

6) понимание выражается в способности демонстрировать приемлемую реакцию на какое-либо высказывание о предмете (это касается различных споров и дискуссий, где обязательной предпосылкой понимания является единство языка, к которому прибегают участники дискуссии);

7) понимание предполагает демонстрацию умения правильно рассуждать о предмете, используя имеющееся знание об объекте или о конкретной ситуации. «Понимание, — писал В. Гейзенберг, — означает адаптацию нашего концептуального мышления к совокупности новых явлений» [Гейзенберг: 77]. В этом последнем случае понимание наиболее близко к знанию, хотя и отличается от него. Если знание характеризовать как выражение определенного отношения к объекту (например, к объекту научного исследования), то понимание как раз и будет результатом знания об этом знании. Между тем знание, полученное в результате интерпретации того или иного текста, также предполагает участие понимания, что делает актуальным поиск наиболее адекватной процедуры интерпретации.

Методология философской интерпретации разрабатывается современной философской герменевтикой, предмет которой можно определить как поиск согласования между пониманием и интерпретацией. Конечно, данная проблематика не нова в том смысле, что она формировалась в процессе многовековой традиции толкования устного слова, его герменевтического анализа. Эта интеллектуальная практика закладывала основы античной герменевтики, которая развивалась от искусства толкования устного слова, речи к разъяснению подлинного значения того, что стоит за вопрошанием или содержится в ответе на задаваемый вопрос. Со временем обращение к текстам различного содержания (сложных и неоднозначных для понимания) вывело герменевтику на теоретический уровень, и она стала рассматриваться как теория интерпретации. Эта направленность герменевтического анализа (герменевтического подхода) наиболее ярко проявилась в традиции интерпретации текстов религиозного содержания: «библейская герменевтика», «христианский экзегезис» и т. д. В конечном итоге герменевтика приобрела статус философской дисциплины, разрабатывающей методологию интерпретации текстов (литературных, поэтических), музыкальных и художественно-изобразительных образов. Исторически сложившееся разнообразие направлений герменевтики тем не менее объединяет общая для них цель: поиск смысла текстов и их понимание.

Наконец, вместе с постепенным переходом к вопросам фундаментального характера философская герменевтика не ограничилась изучением текстов, выяснением смысла и значения этих текстов, но включила в поле своей проблематики рассмотрение различных аспектов деятельности мышления, познания и сознания, необходимых для понимания интеллектуальной познаваемости смысла.

Если в отношении перспектив получения нового знания греки выстраивали определенную зависимость типа знания от специфики изучаемых объектов, то современные философы используют тот же прием в отношении понимания и интерпретации. Другими словами, характер изучаемого источника, содержание текста обуславливает выбор адекватного метода его интерпретации. Отсюда разнообразие методов интерпретации, их разграничение на универсальные, применяемые в отношении текстов с любым содержанием, и специальные — методы анализа и интерпретации, соответствующие специфике текстов. Во всех случаях выявлять содержание текста, раскрывая его истинный, часто скрытый смысл в процессе интерпретации — значит, стремиться к пониманию этого текста.

Замечу, что уже в античной герменевтике наметились две тенденции в решении проблемы понимания. Это, во-первых, тенденция к универсализации предмета понимания (от понимания отдельного высказывания или устной речи как искусства вести диалог — до текста написанного) и, во-вторых, тенденция универсализации деятельности понимания (от практического умения и профессионального истолкования до способа познания и предпонимания познанного). «Момент понимания, который сопутствует любой форме освоения действительности и любому уровню познания — через соотнесенность с языком, речью или, напротив, через умолчание или любую внеречевую форму передачи информации (жест, поза, звук, знак, символ) — этот момент понимания-озарения наличествует повсеместно, подтверждая тем самым универсальность герменевтики» [Шульга: 90]. Таким образом, вопросы соотношения понимания и интерпретации, ставшие традиционными для герменевтики, сохраняют свое ценностное значение в построении общей методологии понимания. При этом проблематика понимания затрагивает как вопросы получения знания (в процессе познания), так и выходит на глубинные аспекты познавательной и осознанной деятельности, выясняя функциональные особенности самого этого процесса. Так возникает новая проблема — проблема предпонимания.

Близость познания и понимания кажется очевидной, поскольку в центре внимания человека «познающего» — осознание им того, что дано ему в мыслях. Поэтому предпонимание — это феномен сознания; феноменологический акт осознания того, что в данный момент размышления присутствует в мыслях, что «схвачено» предпониманием, а затем проявлено в мыслях и выражено в слове. Принимая как данность эту особенность мыслительной деятельности сознания, мы тем самым должны принять и следующее утверждение: как нет знания без познания, так нет понимания без предшествующего ему предпонимания.

Первоначально разработанное в герменевтике понятие предпонимания предполагает, что мы всегда основываемся на предварительном понимании исследуемых явлений. Например, основываемся на индивидуально или коллективно накопленных знаниях, сведениях, идеях, перспективах, убеждениях, обычаях, предложениях, целях, интересах. Учитывая тот факт, что предпонимание носит повсеместный характер, крайне важно тщательно рассмотреть, как предпонимание (или предварительное понимание) исследователя влияет на понимание и как оно может быть использовано с целью дальнейшего

получения знаний. На этом пути встает вполне философский вопрос: как мы понимаем и как получаем знания о реальности?

Как известно из истории герменевтики, перспективное отношение к процессу получения нового знания в философии и/или в науке заключается в том, что развитие этих знаний требует некоторого первичного понимания явления, к которому обращается исследователь. Поэтому для того, чтобы развивать знания в какой-либо конкретной области или проблематике, мы не только должны предположить такую возможность в принципе, но и учитывать именно то, что наше предпонимание делает для нас. Другими словами, мы должны учитывать все требования методологии познания: иметь представление о специфике объекта исследования, степени разработанности проблемы и т. д.; опираться на знание предмета исследования, и при этом отчетливо осознавать то, что именно наше предпонимание позволяет нам интерпретировать что-то как нечто в первую очередь. В философском смысле это означает первичность фактора предпонимания в развитии того знания, к которому направлены наши интеллектуальные усилия. Таким образом, предпонимание предстает как необходимое условие развития знания.

Предпонимание обеспечивает первоначальное понимание исследуемого объекта или явления, которое (потенциально) обогащается в результате дальнейших исследований. В результате новое и более полное понимание обеспечивает новое предпонимание, когда оно направляет дальнейший ход научного исследования. Этот процесс согласуется с постоянным ростом знания, которое может постоянно наполняться новым содержанием. С эпистемологической точки зрения это означает следующее: установленное и зафиксированное в сознании понимание мы всегда привносим в феномен, который изучаем или намереваемся исследовать.

Однако мы не должны абсолютизировать предпонимание в качестве элемента единственно верного пред-знания, принадлежащего лично кому-то. Дело в том, что самоочевидность нашего «предварительного понимания», иногда кажущаяся, может порождать иллюзию неоспоримости знания на том лишь основании, что наше предпонимание как некое предчувствие «нового»: новой идеи, нового знания или ожидание и предчувствие радикальных изменений и т. д. — оценивается как благоприятное условие для их появления. Такого рода иллюзии наиболее ярко проявляют себя в социальной сфере, когда чье-то личное предпонимание (каких-то событий или их последствий) основывается на неверной, часто амбициозной оценке социальной реальности, рассматриваемой с точки зрения перспективы «ожидаемых» процессов, происходящих в обществе или социальной среде. В этом последнем случае речь идет скорее всего о намеренной демонстрации социальному сообществу предубеждений личного характера. Например, гендерных стереотипов, расовой дискриминации, односторонности взглядов и других проблемных предрассудков, которые негативно сказываются на амбициях. В свою очередь сами амбиции, проявляемые таким негативным образом, обычно преодолеваются исходя из достоверных данных и надежных знаний посредством строгого и осознанного следования этим данным, без каких-либо предвзятых истолкований.

Главной стратегией для осознания возникающей конфронтации является диалог. Именно диалог с другими людьми предоставляет нам возможность оценить и сравнить различные взгляды на предмет обсуждения. При этом критерием успешного использования предпонимания в этом случае является то, что оно не просто воспроизводится, а фактически изменяется.

В позитивном значении это означает, что предпонимание может стать источником вдохновения при генерации идей или формулировании последовательности исследовательских шагов и в постановке новых вопросов. Другими словами, предпонимание может обогащать исследовательский процесс, начиная от постановки проблемы и заканчивая написанием текстов.

Относительно определения роли предпонимания в исследовательской деятельности следует признать, что предпонимание может быть тем благоприятным условием, которое действительно способствует развитию знания, даже лишь в силу того, что предпонимание как феномен сознания является значительным подспорьем в получении знаний. Чаще всего предпонимание воспринимается и осознается самим исследователем как должное, но иногда используется слабо и ограниченно — именно эта ситуация ставит перед философами новую задачу, связанную с концептуализацией взглядов на фактор предпонимания, что в конечном итоге должно способствовать всестороннему рассмотрению предпонимания и повышению его эпистемологического значения.

Заключение

Методология интерпретации, направленная на преодоление предвзятых мнений и предрассудков, должна использовать научный метод, основанный на систематических эмпирических наблюдениях, убирать из аргументации ссылки на личный жизненный опыт и, наконец, принимать во внимание то обстоятельство, что концептуальные рамки, парадигмы, культурные конвенции, язык и т. д. могут формировать нашу собственную исследовательскую деятельность. Тем самым идея диалога с другими дает нам некоторые указания на то, как добиться большей результативности в исследовании предпонимания, рассматриваемого как феномен сознания и как важный фактор знания.

Предпонимание может обогатить анализ ввиду разнообразия смыслов эмпирического, теоретического и культурно-исторического характера, подразумеваемых исследователем. Нельзя не учитывать личное предпонимание ученого, считая его само собой разумеющимся, интуитивным или неявным интеллектуальным подспорьем. Напротив, предпонимание можно (и нужно) использовать явно и систематически как в живом диалоге, обсуждении, в научном и философском дискурсе, так и в творческой профессиональной деятельности, когда создаваемый философский текст начинается с рассмотрения истории вопроса с указанием на степень разработанности проблемы, с чего, собственно, и начиналось мое исследование проблемы предпонимания.

Использование предпонимания в научном исследовании направлено не только на интерпретацию философской литературы и оценку уже имеющихся сведений и знаний, но призвано показать, что предпонимание способно повысить шансы на более творческое и, одновременно, корректное использование тех или иных суждений. В этом последнем случае предпонимание (как осознанное пред-знание) может нести в себе гораздо больше историко-философских сведений и фундаментальных мировоззренческих знаний, чем это нужно при буквальном следовании литературе по данному вопросу. Поэтому в завершении сошлюсь на известное высказывание Канта, которое можно рассматривать и как важный принцип познания: «Имей мужество пользоваться *собственным* умом!» [Кант: 53].

Список литературы / References

- Васильева Т.В. Поэтика античной философии. М.: Академический Проект; Трикта, 2008. 735 с.
(Vasilyeva T.V. Poetics of ancient philosophy, Moscow, 2008, 735 p. — In Russ.)
- Шичалин Ю.А. НУС // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция. 2008. С. 522—523.
(Shichalin Yu.A. Nous, *Antique Philosophy: Encyclopedic Dictionary*, Moscow, 2008, pp. 522—523. — In Russ.)
- Мень А. Дионис, Логос, Судьба. // Греческая религия и философия от эпохи колонизации до Александра. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. 396 с.
(Men' A. Dionysus, Logos, Destiny, *Greek Religion and Philosophy from the Age of Colonization to Alexander*, Moscow, 2002, 396 p. — In Russ.)
- Гейзенберг В. Что такое «понимание» в теоретической физике? // Природа. 1971. № 4. С. 75—77.
(Heisenberg W. What is “understanding” in theoretical physics?, *Nature*, 1971, no.4, pp. 75—77. — In Russ.)
- Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФРАН, 2002. 235 с.
(Shulga E.N. Cognitive Hermeneutics, Moscow, 2002, 235 p. — In Russ.)
- Кант И. Изречения / сост. и науч. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 91 с.
(Kant I. Aphorisms, ed. by V.N. Bryushinkin, Kaliningrad, 2010, 91 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 01.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Шульга Елена Николаевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Shulga Elena Nikolaevna — Doctor of Science (Philosophy), Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com